

Сергей Трунев

сын возвратился из школы и сразу давай умничать
как бы доказывая, что их там чему-то учат
знаешь, говорит, в австралии есть животные сумчатые
знаю, говорю, даже тамошний бог сумчат

это у нас, говорю, в березняках да ельниках
в вывернутых тулупах бродят порой медведи
слышал ли ты историю про одноногого мельника
сын промолчал, как бы принял к сведению

это у нас, говорю, овес завсегда прорастает в печени
а огоньки на погостах теплятся злыми духами
кот на дубу сладко мурлычет срамные речи
сонму зверей вещает сказки для лопоухих

дым из печной трубы поднимается в ноздри боковы
сталь раскаленная не оставляет на коже отметин
я здесь живу, лет десять не обновляя логова
может, и хорошо, что ты этого вовремя не заметил

но самые страшные звери бабочки и мокрицы
бабочки крыльями бьют, вызывая приступы страха
те же, вторые, крадутся к тем, кто еще не успел родиться
и выгрызают дыры в радужных детских снах

г. Саратов

Виталий Лехцвер

●

Корнилов в поезде говорил
поэзия — это несвобода
стихотворение — это несвобода
и приводил в пример Ахматову
когда я ночью жду ее прихода
мне было 23, я был поражен
но сейчас я бы не согласился
сейчас я физиологически ощущаю
момент переключения внимания
приостановки работы чтения
работы мысли в обычном режиме
и открытие эстетической перспективы
открытие чакр и эстетического дыхания
обретение особой позиции
после эпохе
это дает невероятное наслаждение
освобождает от естественной каузальности
все трогается, оставаясь на месте
все получает другие значения
иную ценность
все начинает казаться не таким страшным
не таким тупиковым
достаточно сменить угол зрения
сейчас я бы не согласился
но, может быть, завтра опять соглашусь

г. Самара

Анатолий Гринвальд

•

3. С.

в какой-нибудь уехать городок
 германии которого и вовсе
 нет на карте
 и по утрам там почту разносить
 и не писать стихи. особенно — тебе
 да так оно и будет я уеду
 гитару взяв и постаревшего кота
 себе в довесок. и непременно скорым
 настолько скорым чтоб печали не догнали
 меня в пути. ну и особенно — кота.
 ведь он в тебя влюблен и он страдает
 опять не ест четвертый день — кто скажет: старость
 не понимает ничего в любви
 да, вероятно он умрет через неделю
 а может еще две иль три протянет
 как это грустно — умирать. особенно — весной
 а я в том городке на главпочтамте
 взяв поутру газеты или письма
 их буду разносить с душой и сердцем:
 примите вашу почту фрау марта
 открытка на сей раз из Аргентины
 которую себе вы отослали сами
 когда от смерти прятались в Кордове
 я буду лучший в мире почтальон

г. Лейпциг

Эльс Гаделев¹

ИНТЕРВЬЮ С ЧИНГИЗОМ АЙТМАТОВЫМ

(К фотографии, сделанной в ТВ-студии)

Сотнями адских солнц Люкс полыхал,
Горевших в подсвечниках.
Камеры-людоеды, ворвавшись в зал,
Схватили в тот вечер нас.

Объективом-чудищем быть проглоченным
Суждено, видимо, мне.
Мастер по превращению всего в ничего —
Телевидение.

Кажется, я до сих пор в страхе былom,
Колени мои дрожат.
Незаметно для зрителей, под столом
Ты руку мою пожал.

Заговорил, мыслям моим вторя,
Придвинув к плечу плечо,
О том, как были ухабы истории
Прадедам нипочем.

Я пронес тепло ладони твоей
Через года, холода.
Узы Великого Братства людей
Почувствовал я тогда.

Смотрим вдвоем с экрана тех дней,
Как самые близкие;
Сзади стоит Казань, а перед ней —
Узоры киргизские.

*Перевод с татарского Галины БУЛАТОВОЙ
г. Казань*

¹Эльс Гаделев (1936 — 2002) — татарский поэт, переводчик, журналист, диктор республиканского радио.

О г а н е с М а р т и р о с я н

Будет ли волнение, когда
я к тебе приеду рано утром.
Шесть часов по трассе, провода,
вдоль дороги снег лежит, не убран.

Снова неуверенность в себе.
Хачик не при тачке и без денег —
бред и сумасшествие. К тебе
в марте я приеду, в понедельник.

Здание, прохожих теребя,
отыщу гимназии. Подкован,
мне вахтер ответит за тебя:
«Нет ее. В Италии Попова».

Каждый день, без отдыха, подряд,
не просить, а делать надо чудо.
Отвергая то, что говорят,
станешь мне мерещиться повсюду.

Со своей лысеющей прической
сдвинуь на столетие назад.
Дым табачный, воздух, Маяковский,
комната, глава, Кручёных, ад.

Что-то запредельное, родное,
есть у нас с тобою, у одних.
Не пиши, оставь меня в покое...
Пальцы сообщений холодны.

Между нами ночь и бездорожье:
не смыкают глаз, разделены,
города центрального Поволжья.
Друг о друге думают они.

г. Саратов

Елена Иноземцева

●

все хорошо, но я по-прежнему,
по-прежнему схожу с ума
по поводу такого внешнего,
такого вешнего: сурьма
первоапрельская размазана
по тонкокожим скулам дней.
мы говорим, что все, мол, разные,
но снегу, видимо, видней:
падет на крышу, на калитку, на
прошлогодную траву.
грачи пасхальными молитвами
холодный воздух разорвут.
что ж, как-нибудь, но все устроится,
дождись, спокоен и смирен:
когда-нибудь — дай Бог на Троицу —
повсюду расцветет сирень.
и ты забудешь блекло-дымчатый
весны холодный первый взгляд,
и разговор дурной, обрывчатый,
чьи интонации болят,
то безразличие, с которым ты,
накинув черное пальто
с распахнутым небрежно воротом,
прикуривал L&M ментол.
да все равно ведь, как ни выверни,
а все когда-нибудь пройдет:
ни смысла слов, ни даже имени.
лишь след по снегу — до ворот.

г. Лейпциг

Руслан Комадеев

•

сытая вода
побережье боли
приникшие к вечеру позвонки
закинутый выдох ничем не помни
ладони примкни
колодезный воздух
и после поздно
ломает занятый снегопад
копает число
пронимает утро
не спит а живет вперед

г. Екатеринбург